

Елена
Арсеньева

Грешные
музы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева

**Тайное венчание (Николай
Львов – Мария Дьякова)**

«ЭКСМО»

Арсеньева Е. А.

Тайное венчание (Николай Львов – Мария Дьякова) /
Е. А. Арсеньева — «Эксмо», — (Грешные музы)

ISBN 978-5-425-02739-9

ISBN 978-5-425-02739-9

© Арсеньева Е. А.
© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елена Арсеньева

Тайное венчание

Николай Львов – Мария Дьякова

Санкт-Петербург, 1783 год

Ну, что делать, чему быть, того не миновать, а против судьбы, знать, не попрешь! – размышлял Алексей Афанасьевич Дьяков, бригадир и обер-прокурор Сената, покачиваясь на подушках кареты и исподтишка поглядывая на сидевшую напротив дочь, разряженную так, что убор ее глаза отцовы слепил. – Вот они, Дидоны-то¹ ваши! Вот они, ваши театры! Я говорил! Я так и знал, что до добра это не доведет!»

Он вспомнил недавний разговор с двумя зятями, Василием Капнистом и графом Стейнбоком, за которых выдал старших дочерей: Александру и Катерину. При разговоре присутствовала и жена, хотя это было против обыкновения Алексея Афанасьевича, баб к делам ответственным не подпуская. Но тут без женского участия никак обойтись нельзя было, поскольку решалась судьба дочери Маши. Все-таки неловко, согласитесь, господа хорошие, девку замуж выдать, с ее мамашею не посоветовавшись.

А с другой стороны, сколько уж раз советовался бригадир и обер-прокурор Дьяков со своею бригадиршею и обер-прокуроршею относительно пресловутого Машиного замужества! И всегда они с женой были единомышленны: *этот человек* не для нее. Кто – она и кто – он?!

Обер-прокурор почуял неладное с первой минуты, как увидел его четыре года назад. Тогда Василий Васильевич Капнист, в ту пору еще жених Александрины, ввел в дом Дьяковых своего душевного приятеля, Николая Львова, с которым познакомился, обучаясь в полковой школе Измайловского полка и пописывая стишата в рукописный журнал «Труды четырех разумных общников».

Сразу оговоримся: против изящной словесности вообще и ее сочинителей в частности господин Дьяков ничего не имел. Однако это ж какая разница, вы подумайте! Василий Капнист уж написал так написал для разминки пера своего – не чтонибудь, а «Ode a l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane a Kaynardgi le 10 juillet annйе 1774»². Ну а первые вирши Львова, в упомянутом рукописном журнале помещенные, назывались зело многомудро: «Хочу писать стихи, а что писать, не знаю». Творение Капниста вышло отдельной книгою, однако ни в одной книжной лавке невозможно было сыскать поэзы красавчика Львова. Их, видите ли, девицы по альбомам да по тетрадкам списывали, сии чувствительные стишата:

...Вот сей-то прелестью волшебною мутится
мой дух, когда я зрю тебя перед собой.
Из жилы в жилу кровь кипящая стремится,
теряются слова, язык немеет мой!
Понятно, кем строки сии были вдохновлены!

¹ Дидон а – царица Карфагена, персонаж поэмы Вергилия «Энеида».

² «Ода по случаю заключения мира между Россией и Оттоманской Портой в Кунарджи 10 июля 1774 года» (франц.).

Господин обер-прокурор при виде нового гостя немедля скосоротился, ибо милашек мужского пола он на дух не переносил, а этот... Что Капнист собой пригож, это ладно, он хоть богат, поместья его малороссийские многое дозволяют, многое прощают, даже и чрезмерное благообразие, мужчине вовсе не потребное и даже вредное. А у этого Львова из богатств – одно лишь убогонькое сельцо Никольское близ Торжка, на берегах болотистой, осокой поросшей Овсуги. Всяк сверчок знай свой шесток! Но и недостаточный Львов туда же, в красавцы подался! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Хотя... что и говорить: и ростом он высок, и глаз горит синим прельстительным огнем, и станом строен, и волосом светел, и ликом чист.

А в разговоре каково смел, каково речист! Ну еще бы – только что из дальних стран, всякие там Италии да Франции, да Неметчину вдоль и поперек изъездил-изошел, соловьем разливался о Дрезденской галерее, о колоннаде Лувра и, конечно, о Риме, отечестве искусств и древностей. Ну, добро бы только взирал на величавые формы Колоссео и Эскуриала, так он еще по театрам во Франции, отечестве всякого непокоя и вольнодумства, шлялся! Не токмо классические трагедии зрел, но даже и модные комические оперы. А ведь не для того ездил, чтобы восемь месяцев в пустых забавах проводить: по делам Коллегии иностранных дел, в коей состоял чиновником VIII класса.

Серьезный это человек? Никак нет, господа!

Да и происхождения малый сей был не бог весть какого. Сын отставного новгородского губернского прокурора Александра Петровича Львова и жены его Прасковьи Федоровны, урожденной Хрипуновой. Правда, родня у него в Санкт-Петербурге влиятельная: двоюродный его дядя Михаил Федорович Соймонов – химик, геолог, возглавлявший Горное ведомство и Горное училище, он и приютил, он и лелеял, как сына, своего провинциала-племянничка, когда тот, чуть сравнялось ему восемнадцать, прибыл в Петербург – для прохождения действительной службы в Преображенском полку и получения образования. Надоело, конечно, киснуть в глуши. Вот и лез из кожи вон, прибываясь то к одному дому, то к другому, втираясь в приятели к богатым да знатым, способным да талантливым, вроде Капниста да Хемницера, с которыми сдружился еще в полковой школе Измайловского полка, где проходил начальное военное обучение. Ну и понятно, загорелось этому выскочке взять в жены одну из первых петербургских красавиц, одну из самых завидных невест – Машеньку Дьякову. И мало что хороша сказочно, мало что умница, да ведь еще и голос... Небось на сцене составила бы себе состояние таким голосом.

Посватался к ней Львов – и получил отказ.

Посватался вдругорядь – ответ не изменился.

А как могло быть иначе? Разве он Машеньке пара? Нет!

Так и провозгласил обер-прокурор, ничуть не сомневаясь, что жена его с ним будет согласна.

Она-то была согласна, спору нет. А вот Машенька...

Тогда впервые усомнился Алексей Афанасьевич в уме дочери, о коем был столь высокого мнения. Она – поверить невозможно! – готова была выйти за Львова! С радостью, сказала она, с радостью! Люблю-де его и жизни без него не мыслю.

Дьяков и руки врозь. Откуда это на его голову?!

Жена тоже глаза вытаращила. Знать не знала о такой нелепой склонности дочери. Да ведь пять девок в доме, пять сестриц, пять девок на выданье. Одна другой краше да смелей – ну разве за всеми углядишь?! А грех в нынешнем веке уже по углам не таится: так и свищет, так и рыщет, со всех сторон к добрым людям цепляется. Матушка Екатерина, ее императорское величество, по заслугам прозывается великой государыней, ничего не скажешь, однако же не токмо благие веяния от двора исходят, но и тлетворности распутные. Это всем известно, хоть в приличных домах, вроде обер-прокурорского, вслух о таком не говорят.

Ну да, голова-то ведь – она одна, ежели кому надоела – то молоти языком!..

По прокурорскому мнению, дочек следовало бы безвыходно-безвыездно в светелке держать. Однако попробуй заикнись об этом: прослывешь медведем косматым и будешь осмеян светом. К тому же сама матушка-императрица как-то раз услышала Машино пение и многожды потом его расхваливала. Ну разве запретишь после этого дочке горло драть на любительской сцене? В ту пору среди светских людей, увлеченных литературой и музыкой, модно стало сочинять стихи, подходящие к музыке популярной, бывшей на слуху у всех. Это называлось «сочинением на голос», то есть на мелодию, напев. Подобные стихи даже печатались в журналах, как «песни на голос» такой-то песни. Музыкальной основой выбирались и иностранные романсы, и русские песни, и даже псалмы и канты. Обер-прокурор знал, что эти забавы писали вполне приличные господа, двором обласканные: Нелединский-Мелецкий, Дмитриев, Капнист, упомянутый не единожды, знаменитый сочинитель Карамзин. Тут же и Львов вертелся, в обществе сем, которое и сочиняло, и пело, и в домашних музыкальных спектаклях участвовало. Все пятеро дочерей обер-прокурора играли в них. Да и сын Николай, любитель музицировать и ноты сплетать в мелодии, в стороне не остался. Ну а Маша с ее голосом заслуженно считалась примой.

Уповал Дьяков лишь на то, что оперы сии ставятся в приличном доме господина Петра Васильевича Бакунина-меньшого, сановника, дипломата Коллегии иностранных дел. Эх, эх, не знал он в ту пору, что именно господин Бакунин некогда пристроил Николая Львова курьером в Коллегию, да и потом оказывал ему всякое покровительство, пока тот не дослужился до первого своего чина. Ну и неудивительно, что именно у Бакуниных Маша со Львовым свиделась и познакомилась.

Этот франтик тогда только появился из-за границы и понавез всяческих модных нот и пьес, от коих молодежь, да и народ постарше, попочтенней с ума сходил. Привезена была и комедия Реньяра «Игрок», и комическая опера Саккини «Колония» на текст Фрамери. Сам Львов для бакунинского домашнего театра тоже написал оперу «Сильф, или Мечта молодой женщины», содержание которой было почерпнуто из комедии французского драматурга де Сен-Фуа – стремление к счастливой супружеской жизни. Для Львова это был, конечно, вопрос животрепещущий.

Люди из самого высшего общества не гнушались бывать у Бакунина на постановках. Поглядев, какая собирается публика (бывал там даже Кирилл Разумовский, брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны и сам некогда фаворит ея же), почтили постановку «Игрока» и «Колонии» и обер-прокурор Дьяков с супругой. Восхитились Машенькой: в «Колонии» она играла роль поселянки Белинды. Львова же, в «Игроке» певшего партию благородного Жеронта, едва можно было отметить – ну разве что ростом он выделялся, а миловидность его вся была гримом перемазана.

Ну что ж, хоть сам Дьяков Львова не разглядел, зато дочка его ох как разглядела... и с тех пор только его одного во всем белом свете и видела! А толку-то?

Отец был неколебим. Запрет – строжайший запрет! – был наложен на визиты сего господина в дом обер-прокурора. Однако ж Маша и Львов видаться продолжали – на балах, на гуляньях, на катаньях, ну и все у того же Бакунина. Конечное дело, надо было девку в чулане запереть да розгами отходить, чтоб никаких ей опер, никаких комедий, чтоб только и могла по струнке ходить да лепетать: «Как скажете, папенька!» Но что случилось бы с Дьяковым, коли прознали бы о сем при дворе? К тому же любимец отцовский, Николай, за сестру вступался, девки-дочки дурными голосами верещали: вы-де, папенька, тиран, деспот и Зоил!

Выучил грамоте на свою голову, поначитались разных Сумароковых...

Ну, пришлось позволить Маше ездить к Бакунину, тем паче что и сам Петр Васильевич заискивал в сем и уверял: без Марии-де Алексеевны никому не спеть Дидону.

Конечно, можно было придаться, не пустить дочку участвовать в новом спектакле... И повод имелся! Ведь автором «Дидоны» был кто? Иван Княжнин, опальный драматург, судимый военным судом за растрату казенных денег и приговоренный к повешению. Однако за него ходатайствовал маршал Разумовский, и смертную казнь отменили: Княжнина разжаловали в рядовые солдаты и определили в Санкт-Петербургский гарнизон. «Дидона» была его первым сочинением, а вторая драма, «Владимир и Ярополк», была запрещена императрицею якобы из-за «многих театральных неисправностей» пьесы. Впрочем, всякому было ведомо, что Екатерина-матушка на самом деле недовольна политическим подтекстом сочинения. И правильно, мыслимое ли дело – подрыв веры в непогрешимость монаршей власти! Княжнин был осужден.

Понятно, что постановка «Дидоны» у Бакунина наделала много шума. Мало того, что блистал здесь актер Дмитриевский, который находился в зените своей славы, – голос Марии Алексеевны Дьяковой в очередной раз произвел фурор. Немало денег было потрачено на эффектность зрелища. Чего стоила одна картина горящего Карфагена, в огонь которого бросалась в финале Дидона, сиречь Машенька, разлученная с любимым и не пожелавшая за немилого идти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.